

Ду Чэнъин долго разговаривал с Линь Ци, ведя себя совершенно непринуждённо. Всё это время он попросту игнорировал цзяожэней, которых оставил заточёнными в ледяном плену на трое суток. Снова увидев практиков, морской народ затрепетал от ужаса: чем безмятежнее выглядел их пленитель, тем сильнее они боялись той участи, что он им уготовил.

Линь Ци понимал, что Ду Чэнъин намеренно изводит их неопределённостью, и молча подыгрывал ему. Водяной Цилинь тоже выказал завидную смекалку: он уставился на вмёрзших в лёд цзяожэней своими изумрудными глазами и лениво зевнул, обнажив ряд острых клыков.

Когда пленники были доведены до нужного состояния, Ду Чэнъин, наконец, повернулся к ним. Ледяным взглядом окинув дрожащую стаю, он медленно произнёс:

— Я дам вам только один шанс.

Морские жители, чей дух был окончательно сломлен, смотрели на него с беспредельной покорностью.

— Кто вас подослал? — холодно спросил Ду Чэнъин.

Линь Ци слегка удивился. Он-то полагал, что всё случившееся — лишь нелепая случайность, но, оказывается, за этим кто-то стоял? Он с сомнением посмотрел на застывших во льду существ. В глазах цзяожэней, как один, отразилось разоблачённое смятение.

«Поистине, они совершенно не созданы для коварных дел»

Уся раскрыл пасть и втянул в себя часть энергии Жёлтых источников. Ледяная корка, сковывавшая морской народ, начала таять. Цзяожэни, известные своей сплочённостью, в ужасе прижались друг к другу, не разжимая рук и затравленно глядя на Ду Чэнъина.

— Молчите? — Ду Чэнъин повернулся к Линь Ци. — Брат, тебе лучше ненадолго уйти.

Линь Ци подыграл ему:

— Хорошо. Только не делай здесь слишком много грязи.

— Я... я... ска-ка-жу... — подал голос невысокий цзяожэнь, которого Линь Ци заметил ещё раньше. С каждым словом изо рта существа вырывалось облачко белого пара: бедняга явно промёрз до самых костей.

Юэ Дин сделал несколько судорожных вдохов. Его прекрасное лицо из-за холода приобрело мертвенно-бледный оттенок, а чёрные глаза горели такой тоской, что он стал похож на призрака.

— Это... был один за-практик... Сказал, что «Опавшие облака заката» у него.

Линь Ци замер.

Ду Чэнъин, казалось, ожидал подобного ответа.

— Что это был за человек?

Юэ Дин снова вдохнул воздух, немного согрелся, и его речь стала более беглой:

— Тот практик изменил облик. Ничего особенного, обычный человек.

Смерть Линь Ци всегда была незаживающей раной в сердце Ду Чэнъина. В прошлой жизни он подозревал Совершенного Мастера Баошу и даже подверг его жестоким пыткам. Тот признался, что тайно следил за Ду Чэнъином и строил козни, чтобы закалить его характер, но убивать Линь Ци у него не было причин.

Причинение вреда соплеменникам считалось тягчайшим преступлением. Баошу свято чтит заветы покойного учителя и по своей натуре был рабом правил; он едва ли решился бы нарушить устав ордена.

Водяной Цилинь увозил братьев прочь. Ду молча сидел позади юноши, крепко сжимая его ладонь.

Линь Ци понимал, о чём он думает. Ему отчаянно хотелось сказать:

«В этом нет смысла. Даже если ты поймаешь убийцу, это ничего не изменит. Такова моя роль, таковы настройки персонажа»

На их недавнюю радость легла тень.

— Не волнуйся, брат, — Ду Чэнъин склонил голову, прижавшись подбородком к плечу Линь Ци.
— Я никому не позволю причинить тебе вред.

Линь Ци глухо отозвался:

— М-м.

Ду Чэнъин обнял его крепче и коснулся щекой его лица.

— Не грусти. Улыбнись мне.

Линь Ци выдавил слабую улыбку. Ду Чэнъин, взглядываясь в его печальное лицо, тихо спросил:

— Ты ведь... знаешь, кто это был?

Юноша понимал, что это бесполезно, но всё же решил поделиться зацепкой, которую обнаружил ещё в прошлой жизни:

— От того человека исходил очень густой аромат целебных пилюль.

Ду Чэнъин отрезал:

— Это не Баошу.

— Я тоже так думаю, — согласился Линь Ци. — Запах был слишком сильным, будто его оставили нарочно.

Линь Ци обладал мягким характером и никогда ни с кем не враждовал. Ду Чэнъин долго не мог взять в толк, кому и зачем понадобилось убивать его брата. Не видя явного мотива, он, словно слепец, хватал всех подряд и подвергал допросам.

Однако в этой жизни он сразу увёл Линь Ци подальше от горы Лунной Росы, и убийца, наконец, выдал себя.

«Опавшие облака заката» были спрятаны в обители Линь Ци. Значит, во-первых, этот человек точно бывал там. Во-вторых, он знал обычаи морского народа. И в-третьих — в этой жизни он не спешил убивать Линь Ци.

Возможно, Ду Чэнъин не оставил ему лазеек. А возможно, этот человек просто проверял, какое место юноша занимает в его сердце.

Как бы то ни было, Ду Чэнъин был полон решимости выследить его.

Сжав руку брата, он повторил:

— Не бойся, я защищу тебя.

Эти слова предназначались не только Линь Ци, но и самому Ду. Его любимый был рядом, и если бы он не смог его уберечь, то как бы смел смотреть ему в глаза?

В душе Линь Ци царило смятение. Он несколько раз мысленно позвал Систему, но та пребывала в глубоком офлайне — видимо, с головой ушла в просмотр очередного шоу.

Тридцать лет. Линь Ци когда-то казалось, что это долгий срок. Но стоило пройти несколькими дням, как он осознал: тридцать лет — это слишком мало. Как Ду Чэнъин сможет это вынести?

— Разве мы не договорились жить как обычные люди? — Линь Ци взял себя в руки и с улыбкой сжал ладонь Ду. — Нам достаточно того, что мы есть друг у друга.

— Да, — Ду Чэнъин подавил тревогу и нежно поцеловал его в щеку. — Будем поддерживать друг друга и проведём эту жизнь вместе.

Линь Ци опустил глаза. Срок его жизни и срок жизни Ду Чэнъина имели разный вес. Он лишь едва заметно кивнул:

— Хорошо.

Они по-прежнему жили в рыбацкой деревне. Цзяожэни, усмирив свой нрав, больше не смели строить козни. Потеряв целое поколение, они покорно выпустили в море шэней — иллюзорных монстров, которые сделали проход по воде невозможным. Так, по иронии судьбы, морской народ стал охранять покой изгнанников.

В один из солнечных дней Юэ Дин неохотно выбрался на берег верхом на огромной рыбе. Его хрупкое тело было опутано водорослями, удерживающими массивную раковину. С силой бросив ношу на песок, он сердито крикнул:

— Эй, уродец! Рыба прибыла!

Из хижины выскочил уменьшившийся до размеров котёнка Уся.

— Дохлая рыба, ты кого уродцем назвал?! — оскалился Цилянь. — Хочешь, я тебя съем?

Юэ Дин побледнел. Страх перед этим зверем был прописан в его крови на уровне инстинктов, передающихся из поколения в поколение. Сколько бы раз он ни видел Циляня, он всё равно трепетал. Отступив на шаг, он буркнул:

— Никого я не называл. Это я сам с собой.

— Уся, — из дома вышел Линь Ци, поправляя халат.

Цилинь тут же обернулся и в один прыжок оказался в его объятиях. Линь Ци, судя по всему, только что проснулся: его взгляд был томным, а лицо — покрасневшимся. С улыбкой посмотрев на Юэ Дина, он мягко сказал:

— Ты пришёл.

Юэ Дин мгновенно залился краской и бросился к своей рыбе у кромки воды.

— Ты, уродец, совсем стыд потерял! — крикнул он на бегу. — Каждый божий день с этим злым практиком детей заводите! Ненавижу тебя!

Линь Ци тоже покраснел и поспешно закрыл Уся уши. Цилинь притворился, что ничего не понимает, и лишь тихонько мяукнул, изображая из себя невинного зверька.

Тридцать лет пролетели гораздо быстрее, чем Линь Ци мог вообразить. Он ещё помнил ту «свадебную» ночь, после которой три дня не мог встать с постели, и вот — время вышло.

Морской бриз колыхал полы его одежд. Из рощи позади раздался голос Ду Чэнъина:

— Почему ты вышел?

Линь Ци обернулся и улыбнулся:

— Услышал шум и решил встретить гостя.

Ду Чэнъин подошёл стремительным шагом и обнял его за талию. Уся, проявив тактичность, спрыгнул на песок и убежал подальше. Они поцеловались под порывами свежего ветра, их длинные чёрные волосы переплелись в беспорядке. Ду прильнул к его губам и прошептал:

— Может, ещё поспишь?

— Нет, — Линь Ци так и не избавился от своей застенчивости; он опустил голову и прижался лбом к груди мужа.

Ду Чэнъин погладил его по волосам и беззвучно рассмеялся. Его брат в ночной тишине доводил его до безумия своей соблазнительностью, а при свете дня снова становился скромным, как невинный юноша. Ду поцеловал его в покрасневшее ухо:

— Я просто пошутил.

— Не верю, — тихо буркнул Линь Ци, потянув Ду за пояс. Чем ярче светило солнце, тем сильнее возбуждался этот человек. Он постоянно пытался убедить Линь Ци, что на пляже, кроме луны, ничего нет — неисправимое коварство.

Ду Чэнъин рассмеялся. Видит бог, он просто хотел подразнить Линь Ци. Его брат был слишком стыдлив, и он, конечно, оберегал его покой, но иногда не мог удержаться от искушения увидеть это лицо, на котором смущение борется с улыбкой. Для Ду это было самым прекрасным зрелищем в мире.

Цзяожэни были мастерами не только в ловле облаков, но и в рыбалке. Линь Ци больше всего любил одну странную рыбу с мордой, похожей на львиную — она чем-то напоминала Уся. Если он не ел её хотя бы неделю, то начинал тосковать. Благодаря этой прихоти Ду Чэнъин в совершенстве овладел искусством жарки рыбы на углях.

Кто-то другой, возможно, не вынес бы однообразия таких будней, но Линь Ци и Ду Чэнъин находили в них особое упоение.

Линь Ци никогда прежде не жил такой спокойной и размеренной жизнью. Ду Чэнъин чувствовал то же самое. Его прошлое было наполнено бесконечной борьбой с врагами, от которой он смертельно устал. Теперь же ему было достаточно лишь засыпать в объятиях любимого человека и просыпаться, чувствуя его рядом.

Но чем ближе подходил тот день, в который Линь Ци умер в прошлой жизни, тем сильнее становилась их общая тревога. И оба они, не сговариваясь, старались скрыть этот страх друг от друга.

— Скоро у подножия горы зацветёт дикий гибискус, — Ду Чэнъин взял Линь Ци за руку и задумчиво посмотрел в сторону леса.

— На самом деле я не так уж сильно его люблю, — набравшись храбрости, сказал Линь Ци. — Ду Чэнъин, давай лучше куда-нибудь съездим.

— Тебе надоело здесь сидеть?

— Нет. Я просто вспомнил, как ты когда-то показывал мне мир через Башню Горной Тени у Небес. Я хочу своими глазами увидеть, действительно ли эти реки и горы так прекрасны.

— Хорошо. Я поеду с тобой.

Они отправились в путь верхом на Цилине, посещая те места, что когда-то видели в отражениях башни. За два месяца они объехали почти всё. После долгих лет тихой жизни в рыбацкой деревне юноша наслаждался этим путешествием с детским восторгом.

Ду Чэнъин не сводил с него глаз, и улыбка не сходила с его лица. Однажды, когда они сидели на вершине горы, провожая закат, Линь Ци негромко заметил:

— В горах солнце садится быстрее, чем на море.

Ду Чэнъин промолчал. Он чувствовал, что у Линь Ци на сердце лежит какая-то тайна, и, возможно, сейчас он был готов её раскрыть.

— Младший брат, — Линь Ци сжал его ладонь, его губы дрогнули. — Если... если я уйду...

Он не смог закончить, голос сорвался. Ду Чэнъин молча притянул его к себе и стал ласково гладить по спине.

— Брат, ты ведь не принадлежишь этому миру, верно?

Линь Ци замер от потрясения. Он был настолько ошеломлён, что даже слёзы застыли в его глазах.

— Брат, — не спеша продолжал Ду Чэнъин. — Кажется, ты точно знаешь, когда именно тебя не станет.

Как великий мастер мира совершенствующихся и почти состоявшийся Спаситель мира, Ду Чэнъин обладал невероятно острым восприятием жизни, смерти и самой сути души. Он был настоящей «ошибкой в системе». Линь Ци охватила паника; он уткнулся в грудь Ду, не зная, что ответить.

Вечерний ветерок веял прохладой. После долгого молчания Ду Чэнъин тихо спросил:

— Я могу уйти с тобой?

— Нет, — Линь Ци поднял голову, его лицо было искажено тревогой. — Ты не должен умирать.

Взгляд Ду Чэнъина мгновенно стал понимающим и бесконечно печальным.

— Значит, мне нельзя умирать.

Линь Ци лишился дара речи. Он понял, что не может выдать ни слова. Слёзы покатались по его щекам. Он изо всех сил обнял Ду Чэнъина.

— У меня нет выбора, нет иного пути...

— Ты... — Ду Чэнъин не хотел произносить слово, которое разбивало ему сердце. Сцепив зубы, он спросил: — Ты ведь будешь жить в другом мире?

— Я... — Линь Ци зарыдал ещё громче. Ему было невыносимо стыдно за то, что он заставил Ду Чэнъина полюбить его — того, кто обречён исчезнуть. Пока сердце Ду обливалось кровью, он сам в глубине души готовился вернуться домой и предвкушал заслуженный отпуск. — Я буду жить...

— Хорошо, — Ду Чэнъин сдержал слёзы. Он тесно прижался лицом к шее Линь Ци. — Этого достаточно.

Он уже говорил: Линь Ци может использовать всё, что угодно, чтобы причинить ему боль, и он примет это с благодарностью.

Линь Ци уснул в его объятиях, обессиленный от слёз. Ду Чэнъин не смыкал глаз. Он уже давно перестал спать — он не хотел терять ни мгновения, пока мог видеть это лицо.

В воздухе поплыл едва уловимый аромат пилюль. Ду Чэнъин поднял взор. Уся, стоящий рядом, яростно оскалился на незваного гостя.

Человек был облачён в чёрное. Не скрываясь, он откинул капюшон, открывая добродушное, улыбающееся лицо.

— Тебе его не удержать.

— Это ты убил его.

— Не я. Такова воля небес.

Все знали, что покойный наставник больше всего ценил Баошу и передал ему всё искусство гадания. Но никто не догадывался, что именно праздный и беспечный Совершенный Мастер Саньюэ был тем, кому учитель доверил истинное предназначение.

— В твоей судьбе предначертано это испытание. Оборви нить привязанности, перешагни через неё — и ты станешь богом, — улыбнулся Саньюэ. — Его существование было лишь средством для твоего возвышения.

В сердце Ду Чэнъина не осталось даже ненависти. Никакое небесное дао, никакое божественное величие не значили для него больше, чем те три слова: «Я буду жить».

— Уходи, — бесцветно произнёс Ду, глядя на спящего юношу. — Я исполню его желание.

Улыбка Саньюэ померкла. Какая слепая одержимость, какая порочная связь... Он грациозно удалился, ничуть не обеспокоенный. Когда гексаграммы указали на Линь Ци, он уже давно ввёл в его тело яд пилюли. Судя по расчётам, время как раз пришло.

Когда Линь Ци проснулся, небо ещё не начало светлеть. Ду Чэнъин баюкал его на руках. Заметив, что он открыл глаза, Ду поцеловал его в лоб.

— Проснулся? Хочешь увидеть рассвет в горах?

Линь Ци впервые смотрел на восходящее солнце вместе с Ду Чэнъином. Он заворожённо глядел на рождающееся светило, но солнечные лучи, коснувшиеся его, показались ему холодными. Тело пронзила странная слабость, во рту появился вкус крови. Сдерживая боль, он сглотнул, но когда первый свет залил землю, алые капли всё же просочились сквозь зубы.

— Как красиво...

— Брат! — Ду Чэнъин с ужасом смотрел на сцену, которая почти в точности повторяла события прошлой жизни.

— Ничего... — Линь Ци старался улыбаться, хотя его белые зубы были окрашены кровью. Он из последних сил сжал руку Ду. — Ты... мой... первый... кого я... полюбил...

— Нет, нет! — Ду Чэнъин думал, что сможет это вынести, но когда этот миг настал, он оказался бессилён. Он в отчаянии сжимал руку Линь Ци, умоляя с безнадёжной мольбой в голосе: — Брат, не оставляй меня...

Покинув мир, Линь Ци первым же делом бросился к контрольной панели, вызывая Систему. Та тоже заметно нервничала.

[Не торопи, я отслеживаю мировую линию]

[Она выровнялась, — холодно произнесла Система через мгновение. — У тебя получилось]

Сердце Линь Ци бешено колотилось. Он вернулся в своё тело, но почему в груди так нестерпимо ныло? Глаза пекло от непролитых слёз.

— Я могу его увидеть?

[Только одну минуту]

Мировая линия воплотилась в изображение прямо перед ним.

На горном утесе, залитом солнечным светом, Ду Чэнъин обнимал пустую оболочку. Его взгляд был отрешённым, словно он потерял весь мир.

— Брат, ты ведь жив, правда? — Ду Чэнъин прижал к себе бездыханное тело и, закрыв глаза, прошептал: — Тогда ты обязательно должен... забыть меня.

Система закрыла обзор и обратилась к Линь Ци:

— Всё закончилось. Перестань плакать.

Линь Ци сполз на пол и закрыл лицо руками. Слезы непрерывным потоком текли сквозь пальцы.

«Как же мне хочется спросить... не холодно ли ему там одному?»

<http://bllate.org/book/15815/1428257>